

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

4/2011

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

П.А. Искендеров — Призренская лига 1878—1881 гг. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

А.В. Репников — Лев Александрович Тихомиров 20

ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО

Письмо В.М. Молотова в ЦК КПСС (1964 г.) 33

ВОСПОМИНАНИЯ

Автобиография профессора В.А. Костицына 50

ПУБЛИКАЦИИ

Измена командарма Н.Д. Всеволодова. Публикацию
подготовил А.В. Ганин 72

СООБЩЕНИЯ

М.В. Владимирский — Финансовая деятельность Северо-Западного правительства. 1919—1921 гг. 94

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

Измена командарма Н.Д. Всеволодова

История гражданской войны знает немало случаев измены и перехода на сторону противника командиров достаточно высокого ранга. Одним из наиболее высокопоставленных перебежчиков из Красной армии на сторону противника наряду с некоторыми другими командармами (например, Ф.Е. Махиным, Б.П. Богословским) был командующий 9-й советской армией бывший Генерального штаба полковник Николай Дмитриевич Всеволодов.

Вопрос о роли этого офицера в гражданской войне, мотивах, обстоятельствах и последствиях его измены не был предметом специального рассмотрения. В советской литературе длительное время под негласным запретом находилась даже сама проблематика участия военных специалистов в строительстве Красной армии, не говоря уже о сюжетах, связанных с деятельностью перебежчиков и предателей, изменивших Советской власти. Постсоветская историография также не далеко продвинулась в этом вопросе. В обобщающих работах, так или иначе упоминающих имя этого командарма, даже самые общие сведения о нем стереотипны и не всегда точны¹, детали же продолжают оставаться неизвестными.

Всеволодов родился 4 мая 1879 г., окончил Сибирский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1905 г.), а также годичный курс Офицерской кавалерийской школы (1906 г.). На службу поступил 1 сентября 1896 года. Первоначально он служил в 23-м драгунском Вознесенском и 12-м драгунском Мариупольском полках. С 15 апреля 1908 г. по 15 апреля 1910 г. проходил цензовое командование эскадроном в 5-м драгунском Каргопольском полку. С 26 ноября 1910 г. по 30 октября 1913 г. занимал должность старшего адъютанта штаба 17-й пехотной дивизии. 25 февраля 1912 г. было утверждено награждение Всеволодова орденом Св. Станислава 3-й степени. С 30 октября 1913 г. служил штаб-офицером для поручений при штабе Приамурского военного округа. На фронт первой мировой он пошел уже подполковником Генерального штаба. С 8 июня 1915 г. занимал должность помощника делопроизводителя Главного управления Генерального штаба. В начале 1917 г. он был переведен в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа².

В старой армии Всеволодов дослужился до чина полковника, хотя многие его однокашники встретили начало гражданской войны уже в генеральских чинах. Возможно, это отставание было связано с некоторыми проблемами по службе, которые возникли у офицера. Так, и.д. начальника Генерального штаба генерал-лейтенант П.И. Аверьянов 7 января 1917 г. отметил: «Последнее время служебные недочеты у полковника Всеволодова приняли такие размеры, что я нашел возможным оставление сего штаб-офицера в генеральном штабе лишь при условии, если своею службою в действующей армии, он сможет реабилитировать себя в служебном отношении и этим доказать возможность продолжать службу в корпусе генерального штаба». Дело в том, что Всеволодов ушел в отпуск, из которого вовремя не явился, сказавшись больным. Никаких оправдательных документов офицер не представил, а от медицинской комиссии даже скрывался. За подобное поведение в военное время он был отчислен в резерв чинов³. Тем не менее, удалось обнаружить свидетельство о том, что в 1917 г. Всеволодов был все же признан негодным к военной службе комиссией врачей при Рижском военном госпитале⁴. С 19 августа 1917 г. Всеволодов состоял помощником начальника штаба Московского военного округа, а с 29 октября 1917 г. вновь находился в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа⁵. В декабре 1917 г. он был признан негодным к строевой и административной службе⁶.

К сожалению, у меня нет данных о деятельности Всеволодова в первой половине 1918 года. По всей видимости, в этот период он проживал как частное лицо в Петрограде, где вступил в местный муниципальный отряд Красной армии на должность консультанта. Если верить его собственным заявлениям, это произошло едва ли не в начале 1918 г., однако в документах учета кадров Генштаба РККА за первую половину 1918 г. Всеволодов не значится.

Непосредственная служба Всеволодова на должностях Генштаба в РККА началась лишь после довольно неприятного для него эпизода с арестом, произошедшим в Петрограде, видимо в начале сентября 1918 года. Особенный размах аресты и расстрелы приобрели после принятия СНК 5 сентября 1918 г. «Постановления о красном терроре». Однако репрессии были фактором, отнюдь не сдерживавшим измены военных специалистов, а часто, наоборот, способствовавшим им.

Новая власть нанесла бывшему полковнику серьезную обиду, не посчитавшись с его тяжелым положением. К сожалению, обстоятельства и причины ареста Всеволодова остаются неизвестными. Арестованный содержался в одном из лазаретов Петрограда на Шпалерной, 25. Одновременно тяжело болела и нуждалась в уходе (по данным на лето 1918 г.) его жена. Управляющий делами Наркомвоена, авторитетный для большевистского руководства бывший Генштаба генерал-лейтенант Н.М. Потапов телеграфировал председателю Петроградской ЧК Г.И. Бокию 11 сентября 1918 г.: «Подтверждая тяжкую болезнь его жены, полное отсутствие средств жизни и постоянно проявляющуюся им в моем присутствии корректность по отношению Советской Власти, ходатайствую [о] скорейшем рассмотрении его дела»⁷.

Позднее Всеволодов вспоминал о своем пребывании в тюрьме: «В чрезвычайке в одной камере находилось около 100 человек; у дверей стоял красноармейский караул из 3-х человек, которые всю ночь спали. В самой камере находилась лавочка, где можно было покупать бумагу, спички, селедки, сахар. На обед давали великолепную солянку из реквизированной осетрины, а вечером чай с 1/8 хлеба. Другое дело в Предварилке (на Шпалерной. — А.Г.). Здесь буквально морили голодом. На обед один раз в сутки давали воду с кореньями. В одной небольшой камере помещалось 15—20 человек. В камере же находилась и уборная, — воздух невероятный, форточек открывать не

разрешалось; да, впрочем, не было и смысла, ибо в тюремном дворе, куда выходили окна, творилось что-то невообразимое. Здесь жгли мусор, и поэтому зловоние было отчаянное. Вот сюда-то и выпускали на прогулку в течение 15—20 минут арестованных партиями по 30—40 человек... Железные решетки, тяжелые засовы, усиленный караул красногвардейцев, — все это нас угнетало, а начавшиеся расстрелы приводили в ужас... В конце сентября я был переведен из тюрьмы на Шпалерной сначала в Чрезвычайку, а потом в Петропавловскую крепость»⁸. В заключении Всеволодов находился вместе с членами императорской фамилии и даже общался с некоторыми из них. По его свидетельству, несмотря на запрет комиссара тюрьмы, арестованные офицеры отдавали великим князьям честь. Ему и другим арестантам «хотелось верить в возможность освобождения от большевиков»⁹. В октябре 1918 г. Всеволодов уже находился на свободе.

15 сентября 1918 г. Всеволодов телеграфно обратился в наркомат по военным делам к Э.М. Склянскому с просьбой о назначении его на должность Генерального штаба в Москву или на фронт. В телеграмме он отметил, что находился на советской службе на протяжении девяти месяцев, служил консультантом муниципального Петроградского отряда РККА (Петроград, Фонтанка, 14). Начальником оперативного управления Всероссийского главного штаба (Всероглавштаба) С.А. Кузнецовым ему было предложено назначение на Восточный фронт в распоряжение главкома И.И. Вацетиса (ответ от 28 сентября 1918 г.), где тогда решалась судьба революции¹⁰.

Всеволодов получил вызов из Петрограда в Москву, в оперативное управление Всероссийского главного штаба для командирования на Восточный фронт по наряду главкома И.И. Вацетиса¹¹. 8 октября он составил рапорт на имя начальника оперативного отделения Всероссийского главного штаба, в котором писал: «Согласно моего ходатайства я прибыл в Ваше распоряжение для назначения на должность военного времени. Но так как я был уволен в отставку по болезни, как инвалид, признанный комиссией негодным ни к строевой, ни к административной службе, то прошу указание, какое мне может быть предоставлено место на фронте. Прошу о выдаче удостоверения на право жительства в Москве»¹².

На следующий день, 9 октября, Всеволодов получил предписание отделения по службе Генерального штаба Всероглавштаба отправиться в Нижний Новгород в распоряжение военного руководителя Приволжского военного округа для последующего назначения начальником штаба округа. Назначение состоялось по решению главкома Вацетиса с учетом того, что Всеволодов считался добровольцем и инвалидом, и служба в штабе округа в большей степени соответствовала состоянию его здоровья. Перед выездом генштабисту полагалось получить подъемные деньги в размере 2 тыс. руб. у заведующего финансовым отделом наркомата по военным делам Лезгинцева (Новинский бульвар, 101, кв. 3) по предъявлении особого сношения Совета Всероссийского главного штаба (Пречистенка, 14)¹³.

12 октября Всеволодов выехал из Москвы, о чем донес начальнику оперативного отделения Всероглавштаба. Вместе с ним отправилась и его семья: супруга Анастасия Петровна и дети Николай 12 лет и Борис 5 лет¹⁴.

Тогда еще не была преодолена неразбериха в советских штабах и несогласованность в назначениях. В результате по приезде военспеца в Нижний Новгород выяснилось, что должность, на которую предполагалось его назначить, уже занята. Всеволодову пришлось выехать из Нижнего в Арзамас, где тогда находилась ставка главкома Вацетиса.

17 октября Всеволодов сообщал начальнику оперативного управления Всероглавштаба: «Доношу, что я сего числа прибыл из штаба Главкоман-

дующего. Должность н[ачальни]ка штаба, на которую я был командирован, оказалась занята генштаба Полковниковым. На предложение военного руководителя остаться на должности начальника административного отдела в Нижнем я отказался. По прибытии в Арзамас я был назначен в распоряжение командующего Южным фронтом, предписание о чем и представляю. Прошу распоряжения о выдаче мне подъемных. Н. Всеволодов»¹⁵.

В Арзамасе 15 октября Вацетис и члены Реввоенсовета Республики (РВСР) И.Н. Смирнов и П.А. Кобозев выдали Всеволодову новое предписание: «Предписываю с получением сего отправиться в г. Козлов, в распоряжение командующего Южным фронтом тов. Сытина»¹⁶. Так началась служба Всеволодова на советском Южном фронте, кардинально изменившая его судьбу.

По некоторым данным, назначение на Южный фронт состоялось по собственному желанию самого Всеволодова. На фронте предстояла большая работа по созданию 9-й армии, которая до этого существовала, в основном, на бумаге. Первым ее командующим был А.И. Егоров, однако с 25 ноября его сменил П.Е. Княгницкий, официально остававшийся в должности до 6 июня 1919 года.

В штаб армии Всеволодов прибыл не ранее 23 октября¹⁷. В конце октября — ноябре 1918 г. им был сформирован штаб армии. Кроме Всеволодова из генштабистов на должности начальника оперативного отдела штаба армии служил будущий герой взятия Перекопа Август Иванович Корк.

9-я армия была сформирована в конце сентября 1918 г. из революционных войск, действовавших в северной части Донской области. Штаб армии первоначально находился в Балашове. Свой боевой путь армия начала с упорных оборонительных боев, но уже в октябре 1918 г. перешла в решительное наступление, участвовала в боях за Борисоглебск, в упорной борьбе с донскими казаками¹⁸. К 31 октября в армии числилось 22 526 штыков, 4831 шашка, 735 пулеметов, 124 орудия¹⁹.

Сражаться приходилось в крайне тяжелых условиях. Фронт армии достигал трехсот верст, штабы дивизий располагались в 100—120 верстах от штаба армии. Всеволодов телеграфировал в конце 1918 г., что «в штабе армии нет ни начальников связи, ни начальников оперативного и разведывательного отделения Генштаба, ни для поручений, всю оперативную работу приходится выполнять мне и начоперед Яцко²⁰, не досыпая... [расходуя всю] энергию, которой, конечно, надолго [не хватит]..., буквально выбились из сил»²¹.

Впрочем, операции развивались с переменным успехом. Кроме того, не все в порядке было и внутри армии, сохранявшей элемент партизанщины. Именно Всеволодов первым донес Троцкому о неисполнении приказов начальником 16-й стрелковой дивизии В.И. Киквидзе, что имело огромное военное значение. Таким образом, военспец заслужил персональное доверие Троцкого, предлагавшего ему должность командующего Камышинской группой войск и начальника 14-й стрелковой дивизии, однако по состоянию здоровья Всеволодову пришлось отказаться от предложения.

Уже 7 января 1919 г. главком Вацетис выразил недовольство неожиданным отходом 9-й армии, произошедшим вопреки приказу о наступлении. По его мнению, «9 армия совершенно вышла из рук своего командарма и никем не управляется. Считаю, что или командарм 9 совершенно не пригоден к занимаемой им должности или начальники дивизий самовольничают и, не считаясь с отданным боевым приказом, бегут от противника в тыл»²². Вацетис требовал расследовать причины отступления армии на 40—60 верст и определить имела ли место случайность или же это был злой умысел.

4 февраля 1919 г. в рапорте № 16 на имя начальника Полевого штаба РВСР Ф.В. Костяева Всеволодов просил о переводе его на Кавказ и предос-

тавлении полуторамесячного отдыха. В перспективе он хотел занять пост инспектора кавалерии Кавказской армии, поскольку был кавалеристом.

Однако постоянно под разными предложениями Николай Дмитриевич получал отказы. Наконец, в феврале 1919 г. его прошение было РВС Южного фронта отклонено категорически²³.

Весной 1919 г. на Южном фронте назревали решающие события. Еще в конце 1918 г. части Добровольческой армии совместно с кубанскими и терскими казаками заняли Кубанскую область и Ставропольскую губернию, после чего началась переброска частей армии в стратегически важный Каменноугольный район (Донбасс) и в Северную Таврию для развертывания наступления на север. Предполагалось, что союзники возьмут на себя обеспечение левого фланга и тыла Вооруженных сил на Юге России (ВСЮР). Кроме того, к началу февраля 1919 г. белые вышли к Днепру в районе Каховки²⁴. Однако союзники не оправдали возлагавшихся на них надежд. В результате белым пришлось оставить большую часть Екатеринославской и Херсонской губерний и почти весь Крым. Часть войск отошла в Румынию, где были брошены значительные запасы вооружения и военной техники. На царицынском направлении прогрессировало разложение донских частей.

Положение красных было не менее тяжелым. Наиболее угрожающим для существования Советской России весной 1919 г. был Восточный фронт, к которому было приковано основное внимание советского руководства. Другие фронты казались второстепенными, что вело к обострению ситуации и на них. Член РВС Южного фронта И.И. Ходоровский свидетельствовал, что «в течение марта и апреля в Штабе Южного фронта не велось никакой организационной работы, что влекло за собой постепенное расшатывание аппаратов управления, как всеми армиями, так и каждой армией в отдельности»²⁵.

Вместе с тем, в феврале 1919 г. сопротивление донских казаков значительно ослабло, казаки расходились по станицам. Имели место случаи добровольной сдачи в плен красным. 9-я армия вновь наступала, захватывая обширные трофеи. В то же время белые демонстрировали высокую техническую оснащенность. На их стороны действовали бронеавтомобили и бронепоезда.

Задачей армии в начале марта 1919 г. было выйти на линию р. Северский (Северный) Донец. Наступление успешно развивалось на протяжении всей первой декады марта. Важно было переправиться через реку до ее вскрытия. 12 марта 23-я стрелковая дивизия переправилась через Донец, а уже в ночь на 13-е части дивизии, не поддержанные войсками соседней 8-й армии, опасаясь за свое выдвинутое положение, были вынуждены переправиться обратно — на левый берег реки. В ходе обратной переправы красные утопили одно легкое орудие и зарядный ящик. Обстановка усугублялась налетами белой авиации, бомбившей скопления людей на льду. При этом население станиц явно поддерживало противника и даже стреляло по красным²⁶.

Главком Вацетис 12 марта поставил фронту задачу — овладеть Каменноугольным бассейном, взять Ростов-на-Дону и Новочеркасск²⁷, для чего 8-я и 9-я армии к 10 марта вышли на линию р. Северский Донец. Однако план реализовать не удалось. Белые стали наращивать свои силы путем переброски войск с Северного Кавказа. Неудачи преследовали и самих красных. В частности, тылы 9-й армии оторвались от боевых частей, а нахождение войск в районе, охваченном эпидемией сыпного тифа, привело к большим потерям в личном составе²⁸. Взаимная связь дивизий и связь со штабом армии была нарушена, остро не хватало боеприпасов²⁹. Командующий фронтом Гиттис выехал из Козлова в Купянск для непосредственного руководства операцией и в штабе фронта отсутствовал на протяжении полутора недель. В то же время многие вопросы без него не могли быть решены. Член РВС фронта

И.И. Ходоровский впоследствии писал: «Я могу констатировать, что в то время, как согласно предписания из Серпухова Гиттис оставался в Купянске, а потом в Изюме, — все армии, за исключением XIII оставались без руководства и управления со стороны штаба фронта, а в самом Штабе воцарился хаос, который не сразу удалось преодолеть Гиттису по его возвращении в Козлов. По шаблону каждой армии давались весьма ответственные директивы, совершенно не соотносясь с тем, насколько армии готовы к выполнению этих директив. Штаб Южного фронта совершенно не был знаком с действительной обстановкой на фронте»³⁰.

Подобная оценка совпадает со свидетельством Всеволодова, который отмечал, что связь штаба фронта со штабами 8-й и 9-й армий и штабов армий с дивизионными штабами была утрачена из-за непогоды. В течение недели штабы армий не знали обстановки в дивизиях.

По свидетельству Всеволодова, которое, однако, не подтверждается журналом боевых действий армии, 12 марта 1919 г. был отдан приказ о переходе армий советского Южного фронта на рассвете 16 марта в решительное наступление в направлении Новочеркасска. По мнению Всеволодова, «штаб фронта, отдавая этот приказ, не имел малейшего понятия ни о расположении частей 9-й армии, ни тем более частей 8-й армии, которая должна была наносить главный удар от Луганска»³¹.

Тем временем, в советском тылу 11—12 марта 1919 г. в станицах Казанской, Мигулинской и Вешенской началось Верхне-Донское или Вешенское антибольшевистское восстание. Вскоре оно охватило весь Верхне-Донской округ и часть Усть-Медведицкого и Хоперского округов Донской области. Несмотря на попытки красных подавить это выступление, повстанцы сумели продержаться несколько месяцев до того, как в начале июня на соединение с ними прорвались части Донской армии белых. Восстание стало серьезным препятствием для действий советских войск на фронте. Кроме того, оно имело огромное моральное значение для подъема духа антибольшевистских сил.

По данным на 19 марта войска армии производили перегруппировку и наводили переправы через Донец. Противник пытался препятствовать этому артиллерийским огнем. К сожалению, на дату 19 марта журнал боевых действий армии по непонятным причинам обрывается буквально на полуслове³².

На фронте в наступление переходили части 8-й и 13-й советских армий, которые должны были нанести решающий удар по противнику, однако белые сами перешли в наступление к юго-востоку от Луганска, 29 марта ими была разбита вторая бригада 41-й дивизии 8-й армии, остатки которой отступили к Луганску вместе с частями Инзенской дивизии, выдвинутой из резерва. Белая конница прорвалась в советский тыл. Кроме того, белые применили танки. Была по частям разбита Московская дивизия. 9-я армия, располагавшаяся на левом фланге Южного фронта, в это время фактически бездействовала, занимаясь перегруппировкой.

К 1 апреля стало ясно, что советское наступление успехом не увенчается. Южный фронт перешел к обороне. Активным действиям 9-й армии препятствовал разлив р. Донец. Однако у командующего советским Южным фронтом Гиттиса был новый план, согласно которому части 9-й армии «должны были, заняв слабыми частями 14 дивизии линию р. Донца от устья до ст. Каменской все остальные силы армии — 16 и 23 дивизии — сосредоточить у ст. Гундоровской и Новобожедаровки и совместно с 12 дивизией у Митякинской атаковать правый фланг армии ген. Май-Маевского с фланга и тыла»³³.

По мнению Н.Е. Какурина, уже в апреле 1919 г. Всеволодов «в целях окончательного поражения своей армии перебросил свой ударный кулак на правый берег Донца не там, где ему было указано, а на 100 километров юго-восточнее и

действительно подверг одну из своих дивизий отдельному поражению, после чего операции на участке IX армии приостановились»³⁴. Эти сведения Какурин почерпнул из статьи самого Всеволодова. Речь шла о 23-й стрелковой дивизии, которой еще недавно командовал казачий командир Ф.К. Миронов.

Однако с такой оценкой не согласился бывший командующий 9-й армией (28 сентября — 24 ноября 1918 г.) А.И. Егоров, служивший некоторое время вместе с Всеволодовым. По его мнению, последующая измена Всеволодова дала «основание некоторым исследователям приписывать почти все неудачи 9-й армии только наличию злой воли Всеволодова. Не отрицая злой воли Всеволодова, мы считаем, однако, что утверждать это обстоятельство в категорической форме несколько рискованно. Такое положение напоминает нам постоянное приписывание всякой неудачи на австро-германском фронте в русской армии измене генералов с немецкими фамилиями. Как будто бездарность чем-нибудь лучше измены. Генерал Деникин во II томе своих «Очерков русской смуты» свидетельствует о том, что он не придавал особого значения переходу Всеволодова на сторону белых и всей его предыдущей деятельности»³⁵.

Впрочем, Егоров был несколько неточен, так как во II томе «Очерков русской смуты» Всеволодов не упоминается. Единственное краткое упоминание содержится в V томе³⁶, однако о переходе Всеволодова на сторону белых Деникин вообще не писал. Таким образом, утверждение, что Деникин не придавал значения измене Всеволодова основывается на том, что он об этом важном событии в своей мемуарно-исследовательской работе даже не упомянул.

Сам Всеволодов, однако, считал иначе: «Благодаря умышленному распоряжению штаба 9-й армии ударная группа была сосредоточена вопреки приказу фронта не у Новобожедаровки вблизи 8-й армии, а у Усть-Белокалитвенской, удаленной от 8 армии на 100 верст, с целью нанесения ей отдельного поражения. Так оно и случилось: 11 апреля части 23 дивизии под начальством начдива 23 [А.Г.] Голикова переправились на правый берег Донца и сначала заняли станцию Репное, а потом, изолированные и окруженные со всех сторон, были разбиты и, потеряв свою артиллерию, отброшены назад»³⁷.

Белые действительно, по данным на 9 апреля 1919 г., сосредоточивали силы у Новобожедаровки. Всеволодов же как раз в это время подменял командарма. В то же время потери 23-й дивизии за период 23 марта — 4 апреля составили лишь 6 чел. убитыми и 11 ранеными. Это свидетельствует о невысокой интенсивности боев. Однако потери увеличивались. За 14 апреля потери дивизии составили 6 убитых и 45 раненых. За 15 апреля погибло уже 30 красноармейцев и 60 было ранено³⁸. Имеющиеся цифры не складываются в картину жестокого разгрома дивизии, нарисованную Всеволодовым. Тем более, что дивизия продолжала сражаться и далее.

По его мнению, произошедшее не без его участия поражение 8-й и 9-й армий дало возможность белому командованию усилить фланговые группировки против 13-й и 10-й армий «и достигнуть самых решающих успехов»³⁹. Очевидно, что тогда в его действиях измены замечено не было, иначе бы военспец не смог рассчитывать на повышение по службе, которое вскоре последовало.

По свидетельству начальника 16-й стрелковой дивизии Р.П. Эйдемана, Всеволодов вообще не сосредоточил никакой ударной группы, а 14-я стрелковая дивизия лишь слегка сократила участок 23-й дивизии с левого фланга. Как следствие, для переправы на правый берег Северского Донца 23-й дивизией были выделены незначительные силы. По мнению бывшего Генштаба полковника Какурина, Всеволодов после нанесения поражения собственной 23-й дивизии планировал подвергнуть такому же отдельному разгрому другую свою дивизию — 16-ю, поставив перед ней задачу переправиться через Северский Донец. Однако дивизия не просто переправилась через реку и

овладела станицей Каменской, но сумела занять и удерживала важный плацдарм на правом берегу Северского Донца ⁴⁰.

Чтобы понять, имел ли место заговор военспецов в штабе 9-й армии или Всеволодов был индивидуальным саботажником, обратимся к анализу персонального состава работников штаба армии — бывших офицеров-генштабистов. Кто же работал под руководством Всеволодова в штабе 9-й советской армии? В январе 1919 г. в штабе армии служили, помимо Всеволодова, начальник оперативного отдела бывший Генштаба полковник И.В. Яцко, начальник оперативного отделения бывший Генштаба капитан И.И. Граужис (добросовестно служили в РККА на протяжении всей гражданской войны, не арестовывались), начальник разведывательного отделения бывший Генштаба подполковник П.Н. Петрасевич (в 1920 г. арестован), связью заведовал бывший Генштаба штабскапитан А.С. Ролько (в 1919 г. перешел к белым, позднее вернулся в РККА). Кроме того, для поручений состояли бывший Генштаба полковник Ф.Ф. Фешот и бывший Генштаба генерал-майор М.Е. Солнышкин ⁴¹. Последние двое также добросовестно служили в РККА. 7 марта 1919 г. в штаб армии прибыл из штаба Камышинской дивизии бывший генерал-лейтенант Н.Н. Карепов ⁴², окончивший в 1885 г. академию Генштаба по 2-му разряду. Карепов занял пост начальника полевого штаба армии. В 1919 г. он перешел на сторону белых.

Таким образом, в штабе армии у Всеволодова, скорее всего, не должно было быть сообщников. Потенциально могли бы ему помогать (в свете своего последующего перехода к белым), Ролько, однако еще в январе 1919 г. он был переведен на Северный фронт и весной 1919 г. на Южном фронте отсутствовал, и Карепов, но о его подпольной деятельности данных нет. Скорее всего действия Всеволодова носили индивидуальный характер. Его последующее бегство к противнику без сообщников вполне это доказывает.

Положение 9-й армии в тот период ярко обрисовал будущий Маршал Советского Союза К.А. Мерецков, который, будучи слушателем академии Генерального штаба РККА, был командирован в эту армию для получения практического опыта. Мерецков вспоминал, что трудно было даже пробраться в 9-ю армию, поскольку тыл был охвачен многочисленными восстаниями. Сама армия насчитывала в своих рядах около 20 тыс. чел. в составе трех дивизий, растянутых на 200-километровом фронте. Значительные силы (до 10 тыс. чел.) были отвлечены в составе так называемых экспедиционных войск на подавление Вешенского восстания в тылу ⁴³. По свидетельству Мерецкова, прибывшего в армию в мае, «мы непрерывно отступали, причем довольно быстро... Радио тогда у нас, конечно, отсутствовало, телеграфом в степи не воспользуешься, а телефонную связь не успевали развернуть. Пока размотаешь катушку с проводами, линия фронта уже сместилась — сматывай назад. Связисты так и делали, причем побросали значительную часть своего имущества, ссылаясь на казачьи налеты и быстроту отхода» ⁴⁴. Отступление носило неорганизованный характер, а политическая работа в войсках хромала.

Другой слушатель академии, П.Е. Чеканов, командированный в 1-ю бригаду 23-й стрелковой дивизии 9-й армии, отметил, что «в штабе фронта встретили нас как людей, не имеющих практики, в политотделе — как будущих помощников, специалисты — как конкурентов, в штабе армии — как лиц, без которых можно обойтись, по их мнению, в штабе бригады политкомы — как помощников в политическом и боевом отношении... В последнее время отношение ко мне было как к незаменимому работнику» ⁴⁵.

Член РВС 9-й армии Ходоровский вспоминал о своем прибытии в армию в начале апреля 1919 г.: «Когда я в начале апреля прибыл в IX армию, я пришел в ужас от того, что я там увидел. Лазареты, госпитали, бараки, полуразрушенные станционные строения, — все это было переполнено больны-

ми сыпняком. В дивизии, насчитывавшей 6 полков (а если дивизии 3-х бригадной, то 9 полков) имелся один, в лучшем случае, 2 врача. Полковые околотки обслуживались санитарями из красноармейцев: не было не только врачей, но даже фельдшеров и сестер милосердия. При объезде полков я интересовался, имеются ли в полках медикаменты и всюду встречал одну и ту же картину: медикаментов нет, для перевязок употребляются бинты, бывшие в употреблении много раз. Белья также не было»⁴⁶.

В конце апреля — начале мая 9-я армия предприняла попытку перехода в наступление, закончившуюся неудачей и отходом на прежние позиции. Бои по-прежнему шли на Донце. По данным А.И. Егорова, в результате упорных боев выбыл из строя командный состав до командиров рот включительно, а некоторые полки насчитывали лишь по 120 штыков⁴⁷. В это же время части 10-й советской армии форсировали р. Маныч, подойдя 6 мая на 40 километров к Ростову. Действия 10-й армии привлекли к себе значительные силы белых и облегчили положение 9-й армии. Однако к этому времени уже начался перелом на фронте. Части ВСЮР перешли в ответное наступление с утра 4 мая (21 апреля) против 10-й армии. Успехи воодушевили донское казачество, активно участвовавшее в разгроме 8-й советской армии⁴⁸. В первые сутки наступления белые взяли Луганск, где находился патронный завод. Дальнейшее их наступление развивалось в нескольких направлениях: на Царицын, на Воронеж и в глубь Украины. В Каменноугольном бассейне части Добровольческой армии вели активную оборону.

20 апреля 1919 г. на посту начальника штаба армии Всеволодов был временно заменен И.И. Гарькавым. В дальнейшем начальники армейского штаба менялись как в калейдоскопе — только в мае-июне 1919 г. на этой должности успело побывать пять человек.

К началу мая боевой состав 9-й армии (14-я, 16-я и 23-я дивизии) насчитывал 13 608 бойцов, тогда как белые, по советским данным, располагали 21 910 бойцами⁴⁹. Эти силы были растянуты на 170-километровом фронте вдоль Северского Донца⁵⁰. Особенно сильным было превосходство белых в коннице (в 4 с лишним раза). Красным остро не хватало подготовленного командного состава. В течение месяца численность 9-й армии значительно сократилась, в том числе из-за эпидемии сыпного тифа.

Бои теперь велись за удержание линии р. Северский Донец. Пополнений армия практически не получала и буквально истекала кровью. Командарм Княгницкий 9 мая телеграфировал об этом командующему фронтом. Но, по всей видимости, советское командование невысоко оценивало роль 9-й армии и не считало, что та нуждается в пополнениях. Во всяком случае, главком Вацетис в своих неопубликованных воспоминаниях отметил, что «весь Южный фронт держался двумя армиями — 8 и 13», тогда как 9-я армия лишь поддерживала связь между 8-й и 10-й и почти не имела боевого значения⁵¹. 11—14 мая белые переправились через Северский Донец на правом фланге 9-й армии, однако развить свой успех не смогли.

Появление на флангах 13-й армии английских танков закрепило успех белых на Южном фронте. Уже 26 мая командующий 13-й армией Геккер сообщал фронтовому командованию о невозможности остановить отступление армии. В самой армии шли митинги, красноармейцы арестовывали и даже убивали командиров и комиссаров. Некоторые части самовольно оставляли свои позиции. Так, например, в районе Славянска, арестовав командный состав, фронт оставила целая бригада. Аналогичное донесение затем поступило и от командующего 8-й армией генштабиста В.В. Любимова.

В 13-ю армию для восстановления положения прибыл председатель РВСР Троцкий, пытавшийся наладить дисциплину и порядок. Командующий фрон-

том Гиттис возложил вину за неудачи на главкома Вацетиса. При этом в штабе Южного фронта были убеждены, что отход не будет глубоким — предполагалось восстановить положение с помощью не пострадавших в операции 9-й и 10-й армий.

Однако 24–25 мая белые прорвали фронт 9-й армии на р. Северский Донец. Противнику удалось выйти в тыл 16-й и во фланг 23-й дивизии⁵². Командующий Южным фронтом Гиттис требовал ликвидации прорыва, считая, что он осуществлен незначительными силами. Как выяснилось, штаб фронта был плохо информирован, поскольку белые прорвались силами III Донского корпуса. По мнению члена РВС фронта Ходоровского, из-за незнания обстановки «директивы Южфронта были совершенно нежизненны и находились в вопиющем противоречии с действительностью»⁵³.

Обстановка продолжала ухудшаться. Фактически 9-я армия была разрезана на две части — 16-я дивизия отступала на северо-запад к станице Митякинской на соединение с 8-й армией, а 23-я и 14-я дивизии — на север и северо-восток. Глубина прорыва к 29 мая достигла 75 километров. Прорвавшаяся конница белых стремилась выйти на соединение с вешенскими повстанцами, что было осуществлено 7 июня силами конной группы генерал-майора А.С. Секретева и предопределило отход всего советского Южного фронта⁵⁴. 31 мая командование 9-й армии заявило Гиттису, что считает необходимым отвести войска до линии р. Чир, на что было получено разрешение.

Около месяца с конца апреля по конец мая Всеволодов, по всей видимости, не имел постоянного назначения. Судя по всему, в это время он находился в Москве. 26 мая 1919 г. он должен был выехать из Москвы в штаб Южного фронта в Козлов, и уже 29 мая был в штабе фронта. Предполагалось, что генштабист займет крайне ответственную должность начальника штаба фронта⁵⁵. Однако начальником штаба фронта Всеволодов пробыл всего несколько дней. Этот ответственный пост 2 июня занял бывший Генштаба генерал-майор Н.В. Пневский.

Приказом председателя РВСР Л.Д. Троцкого от 8 июня 1919 г. Всеволодов был назначен командующим 9-й армии вместо своего прежнего начальника П.Е. Княгницкого, назначенного в распоряжение правительства Бессарабии⁵⁶.

3 июня Всеволодов, еще до приказа Троцкого, отправился к месту назначения, а должность начальника штаба фронта осталась вакантной. К этому времени положение 9-й армии продолжало оставаться тяжелым. Войска постоянно отступали с боями. Резервов не было. Попытка провести мобилизацию мужского населения до 37 лет в 50-верстной прифронтовой полосе окончилась неудачей. Как вспоминал комиссар Ходоровский, «мы снимали людей с поля, с мастерской, не одетыми, не обутыми и, главное, не спяными в воинские единицы, бросали на фронт. Пользы от этого не было никакой, трата же сил колоссальная. Одновременно значительная часть населения при приближении противника снималась и бежала с Дона и, таким образом, совершенно ускользала от нашей мобилизации. Вообще говоря, отступающая армия не имеет фактической возможности проводить мобилизацию»⁵⁷. При этом, по оценке Ходоровского, дисциплина в армии оставалась на должном уровне, а все приказы исполнялись. Впрочем, здесь тоже не все было однозначно.

Ходоровский резюмировал: «Армии были... вполне устойчивы, но они были ослаблены и обескровлены до последней степени. Этой прорехи не могла заделать никакая политическая работа. Мы потерпели поражение в результате страшнейшего организационного разброда, отсутствия какой бы то ни было живой творческой военной работы в течение всего времени нашего пребывания на Дону». Он высоко оценивал аналогичную работу, проводившуюся белым командованием: «Его (противника. — А.Г.) победы над

нами были победами организованности над разбродом, инициативы и творческой военной работы над прострацией»⁵⁸.

Считается, что 6 июня Всеволодов принял командование армией. Однако в докладной записке комиссара армии Ходоровского отмечено, что, находясь, по крайней мере, с 7 июня в слободе Михайловка на территории Донской области, Всеволодов фактически еще несколько дней (до 10 июня) не занимал пост, на который был назначен.

Он повел себя нетипично для военного специалиста и бывшего офицера. В частности, выдвинул целый ряд требований в адрес РВС Южного фронта. Требования эти были далеко не безобидными для того времени. Всеволодов ставил условием своего назначения удаление из штаба армии целой группы партийных работников: комиссара штаба Петрова, председателя продовольственной комиссии Адно и начальника военных сообщений Хохлова⁵⁹. По всей видимости, Всеволодов конфликтовал с ними в прежний период своей службы в 9-й армии. Кроме того, с самого начала Всеволодов противопоставил себя членам РВС 9-й армии Б.Д. Михайлову и И.И. Ходоровскому (также члену РВС Южного фронта), раскритиковал бывшего члена РВС армии В.А. Барышникова, а затем потребовал отзыва комиссара Михайлова, заявив, что с ним работать не станет. Эти требования он также направил командующему Южным фронтом Гиттису и в РВС фронта.

Удивительно, что комиссары терпеливо относились к подобным выходкам военспеца, что свидетельствует о явном кадровом голоде в отношении «лиц Генштаба». Штаб Южного фронта был готов частично удовлетворить требования Всеволодова. Подобное отношение не вполне соотносится с распространенным стереотипом приниженного и подневольного положения военспецов в Красной армии. При этом Всеволодов, если верить докладной записке комиссара Ходоровского от 1 июля 1919 г., то и дело менял свои требования, соглашался не отзывать одного комиссара, но настаивал на отзыве другого. Подобные действия кажутся откровенным издевательством над членами РВС, терпеливо сносившими все.

В конце концов РВС Южного фронта пошел навстречу Всеволодову и отозвал комиссара Петрова в 13-ю армию, а комиссар Ходоровский даже пообещал военспецу создать в штабе армии максимально благоприятную для него атмосферу. Стоит отметить, что Ходоровский знал Всеволодова с весны 1919 г., причем, по его мнению, Всеволодов был склонен к интриганству и являлся аморальным человеком⁶⁰.

По оценке Ходоровского, Всеволодов прокомандовал армией не более недели. Новый командующий не снискал популярности у подчиненных, а, наоборот, восстановил их против себя постоянными мелочными придириками. РВС продолжал потакать военспецу, хотя, судя по докладной записке Ходоровского, Всеволодов уделял больше внимания собственным делам, чем службе. Буквально в считанные дни командарм обзавелся в Михайловке коровой и свиньями, начал торговать молоком⁶¹.

В то же время, как отмечал К.А. Мерецков, занимавший летом 1919 г. должность помощника начальника штаба 14-й стрелковой дивизии 9-й армии, «Армейское командование либо безмолвствовало, либо отдавало такие распоряжения, что глаза на лоб лезли. Я не имел еще тогда достаточно боевого опыта. И все же не раз задумывался над явной бессмыслицей некоторых приказов. Особенно досадны они были потому, что положение оказалось крайне серьезным. Управление дивизиями в 9-й армии было нарушено. Боеприпасов не хватало. Тылы перемешались с войсками первого эшелона. Свириптавали эпидемии. До четверти личного состава армии лежало на повозках в тифозной горячке. Казалось, что вся степь вокруг, все деревья,

курганы, трава и воздух насквозь пропитались запахом сулемы и карболки»⁶². Не исключено, что в этой оценке присутствует позднейшее стремление автора показать себя опытным штабистом, предвидевшим измену Всеволодова. Тем не менее, игнорировать это свидетельство нельзя. Стоит отметить и то, что Мерецков обратил внимание на явно враждебное отношение к красным казачьего населения.

Бегству Всеволодова предшествовали драматические события. В тылу армии успешно действовали казаки-повстанцы, соседние армии отступали под ударами белых. Во время перевода штаба армии из Михайловки в Елань через хутор Сенновский 17 июня 1919 г. Всеволодов в первый раз исчез. Сложно сказать, пытался ли он бежать уже тогда или просто выпал из поля зрения комиссаров. Во второй половине дня 17 июня и на следующий день о местонахождении Всеволодова известно не было, причем реввоенсовет о своих действиях и планах он в известность не поставил.

Своего шофера командарм перед исчезновением просил подготовить автомобиль для осмотра Арчединских позиций к югу от Михайловки. Комиссар Ходоровский предполагал, что Всеволодов, если не сбежал, то ездил по району в поисках продовольствия для личных нужд⁶³. По версии же самого командарма, изложенной им в телеграмме в РВС Южного фронта, он занимался борьбой с казаками-повстанцами. При этом в действовавших в этом районе 14-й и 23-й стрелковых дивизиях о местонахождении командарма тоже не знали, в связи с чем версия Всеволодова кажется сомнительной. В Сенновский Всеволодов приехал лишь после того, как оттуда уже выехал штаб армии, сотрудники которого на протяжении двух суток (до вечера 19 июня) не знали, где находится командарм. Связь со Всеволодовым, прибывшим в Сенновский, была установлена на несколько часов лишь вечером 19 июня, когда штаб армии уже отступил до Елани.

Между тем, 18 июня белые нанесли сильный удар по 23-й стрелковой дивизии, почти окружив ее у станции Зимняцкой и уничтожив 199-й и 201-й полки, после чего остатки дивизии отступили на Арчединские позиции.

После исчезновения командарма комиссар Ходоровский потребовал от РВС Южного фронта сместить Всеволодова, однако РВС поддержал командарма, а не комиссара 9-й армии. Члены РВС Южного фронта Г.Я. Сокольников и К.А. Мехоношин указали Ходоровскому на недопустимость оставления командарма без присмотра, но при этом требовали невмешательства в его деятельность⁶⁴. Более того, они посчитали Ходоровского паникером и трусом, который «не дождавшись задержавшегося на фронте командарма Всеволодова, уехал [из] хут. Сенновского вместе [с] большей частью штаба [в] Елань, мотивируя небезопасностью оставаться»⁶⁵, и потребовали его смещения.

20 июня соответствующая телеграмма была направлена ими председателю РВСР Троцкому. Троцкий обратился к ЦК РКП(б) с предложением отозвать Ходоровского и назначить расследование по партийной линии, т.к. комиссару инкриминировалось не преступление, а лишь неспособность справиться с обязанностями⁶⁶.

Ходоровский телеграфировал 21 июня из Елани в Козлов Мехоношину: «Целый месяц я работал [в] кошмарных условиях, не зная сна, вынося на своих плечах всю тяжесть ужасного отхода, что хорошо известно не только всем отделам и учреждениям нашим, но и дивизиям. Мой разговор с вами продиктован исключительно интересами дела и сознанием ответственности своей, и я не знаю ни одного ответственного работника армии, который думал бы иначе, хотя я никаких разговоров на эту тему не допускаю. Вы знаете меня по нашей совместной работе в Южфронте, и я не могу постигнуть, как вы могли подписаться под телеграммами, которые я за эти два дня

получил. Беспристрастному следователю [в] течение нескольких минут будет ясна обстановка, которая недостаточно известна Козлову. Уверен, что на моем месте вы действовали бы так, как действовал я и выставляли те же требования. Интересы дела для меня теперь, как и всегда, выше всего, и я оставляю в стороне те упоминания о дезертирстве и прочем, которые продиктованы чем угодно, но только не знанием положения дел и не желанием с ним познакомиться. № 839/Л. Ходоровский»⁶⁷.

После непродолжительного возобновления связи Всеволодов опять пропал. Стоит отметить, что дорога от Михайловки на Сенновский и далее на Елань была в то время беспокойной. Возле самой Елани, куда перебрался штаб армии, действовали повстанцы, штаб которых располагался в селе Красавка, постоянно совершались нападения на железной дороге. Мерецков позднее вспоминал, что по дороге со станции Серебряково в Сенновский несколько раз переживал в оврагах, пока скроются казачьи разъезды и даже участвовал в стычке с одним из них⁶⁸. Вполне допустимым в этой ситуации было предположение, что Всеволодова могли захватить повстанцы.

По всей видимости, события 17—19 июня были лишь подготовкой Всеволодова к переходу на сторону противника. Немаловажно, что накануне, 16 июня, он отказался от услуг своего постоянного шофера Матвеева⁶⁹.

В эти тревожные дни управление армией оказалось рассредоточено по разным пунктам. Местонахождения командарма никто не знал. Комиссар Ходоровский находился в Елани, а начальник штаба армии Преображенский — еще севернее, в Балашове. Фактически все управление армией 20—21 июня сконцентрировал в своих руках Ходоровский, который в эти дни занимался не только организационными вопросами, но и активно защищался от нападков со стороны своих коллег по РВС фронта, причем каждая из сторон стремилась заручиться весомой поддержкой Троцкого⁷⁰.

Между тем, сведения о местонахождении Всеволодова были противоречивыми. Начальник 14-й стрелковой дивизии сообщал, что командарм был в штабе дивизии накануне и вместе с частями 23-й дивизии направился в район хутора Секачев (между Еланью и Сенновским) с тем, чтобы 22 июня быть в Елани⁷¹. Однако в Елань Всеволодов так и не прибыл. В 17 час. 22 июня, наведя некоторый порядок вокруг Елани, Ходоровский во главе конного отряда отправился на поиски пропавшего командарма, которого фактически не видели в штабе с 17 июня.

Около 11 час. утра 23 июня комиссар Ходоровский в районе хутора Секачев встретил части 23-й стрелковой дивизии, с которой должен был следовать и Всеволодов, однако командарма там не оказалось. Ходоровскому удалось установить, что 20—21 июня при Всеволодове находился комиссар Михайлов, который, однако, 21 июня около 17 час. выехал из Сенновского с последними частями 14-й дивизии в сторону хутора Бухгурминского. Всеволодов намеревался проинспектировать части 23-й дивизии, после чего на следующий день должен был выступить с частями дивизии на Елань. С Михайловым они договорились встретиться в Елани 24—25 июня. Оставался вариант его нахождения в 14-й дивизии, но и там о Всеволодове ничего не знали⁷².

После суточных поисков Ходоровский поздно вечером 23 июня вернулся в Елань, где к своему удивлению получил сообщение, что Всеволодов тоже направлялся в Елань вместе с 23-й дивизией. Были получены и другие, не менее странные сообщения о местонахождении командарма. Более того, к этому времени стало известно, что Всеволодов перемещался на автомобиле вместе с семьей⁷³, что не могло не вызывать подозрений. После этого комиссар телеграфировал о происшествии в РВС фронта.

Последний приказ Всеволодова № 310 был датирован 21 июня. В этом приказе он сообщал о переводе штаба армии в Балашов, якобы, по приказу командующего фронтом⁷⁴. Впоследствии, уже находясь у белых, он так писал о своих распоряжениях: «У Великокняжеской же наголову разбита самая стойкая и надежная 10-я советская армия, предводимая лучшим советским работником генерального штаба полковником Клюевым.

Достаточно вспомнить весну и лето минувшего (1919. — *А.Г.*) года, когда 10-я армия, лично предводимая Клюевым, выдержала всю тяжесть кампании. Особенно тяжело было Клеуеву, когда у ст. Лог 38 и 39 дивизии этой армии давали последний бой, решивший судьбу Царицына. Я, командовавший тогда 9 армией, в течение 13 дней должен был выйти в левый фланг войскам генерала Мамантова со стороны Арчады и атаковать его в тыл. Вместо того, чтобы выполнить этот приказ Троцкого, я отвел армию на 250 верст назад под прямым углом от пути отступления. Клеуев был поставлен в критическое положение; вся конница генерала Мамантова — 9 и 13 конные дивизии, благодаря отводу 9 армии, бросились в тыл, обрушились на 10 армию Клеуева, и Царицын пал. Но Клеуев, окруженный со всех сторон, сумел вывести свою армию и спасти ее от пленения»⁷⁵. Возможно, вспоминая об отводе своей армии назад, он имел в виду как раз последний свой приказ, а также июньские события, связанные с отступлением частей армии на Елань. Отступление армии было столь стремительным, что в степях встречались группы отставших бойцов, искавшие свои части⁷⁶.

Около 10 час. утра 22 июня Всеволодов выехал из Сенновского, якобы, в 14-ю дивизию, однако к заявленному месту назначения не прибыл. Больше у красных его никто не видел.

Следовательно, бегство Всеволодова относится к 22 июня, а не к 26-му, как ошибочно указывал в своей работе А.И. Егоров⁷⁷. По сведениям Егорова, Всеволодов несколько дней находился на хуторе Сикачев с двумя телеграфными аппаратами, тогда как штаб и РВС армии были в Елани. Очевидно, что на самом деле речь шла о хуторе Сенновском. Далее Всеволодов через Михайловку на автомобиле вместе с семьей уехал к противнику.

Впоследствии открылись любопытные подробности умонастроений командарма. Из опросов казаков 1-го кавалерийского полка, охранявших Всеволодова в хуторе Сенновском, выяснились детали бесед, которые он вел с ними накануне своего побега. Командарм утверждал, что соседняя 10-я армия отрезана и полностью погибнет, а 9-я армия сильно потрепана. Всеволодов считал положение красных на всех фронтах безнадежным, заявлял, что гражданская война продлится еще не более двух месяцев, что борьба казаков с казаками бессмысленна. Красный командарм всячески расхваливал армию Деникина, причем у казаков сложилось странное впечатление, что Всеволодов практически посоветовал им сдаваться противнику. По его словам, сдающихся в плен белые не расстреливали, а преподносили им чарку водки. О себе Всеволодов говорил как о насильно мобилизованном, заявлял, что через две недели подаст в отставку⁷⁸.

Три дня, вплоть до 26 июня, РВС отмалчивался, считая, что Всеволодов находился при дивизиях, после чего стало уже очевидным, что он сбежал. Всеволодов оставил 9-ю армию в тяжелом положении. Мало того, что армия несколько дней фактически никем не управлялась, а РВС фронта не присылал руководящих указаний, противник пытался отрезать боевые части от армейских тылов, и существовала угроза обхода правого фланга⁷⁹. В целом же предательство Всеволодова способствовало успехам белых на их правом фланге — в Донской области и в районе Царицына, в том числе и взятию последнего. Армия Всеволодова не оказала содействия соседней 10-й армии другого военспец-генштабиста бывшего Генштаба подполковника Клеуева.

Некоторое время красные считали, что Всеволодов был расстрелян, попав в плен⁸⁰. Однако со временем открылась неприятная правда. Переход Всеволодова к противнику стал предметом особого внимания председателя ВЧК Ф.Э. Держинского. В частности, статья Всеволодова «Разгром южных советских армий» из белогвардейской газеты «Утро Юга» (№ 157-185 от 17 (30) июля 1919 г.), в которой тот не без некоторого преувеличения написал о своей подрывной работе у красных накануне перехода, была добыта советской разведкой и хранилась уже в сентябре 1919 г. непосредственно у Держинского. Эти материалы были доложены В.И. Ленину.

Интересно, что по советским документам учета генштабистов начала 1920 г. Всеволодов числился без вести пропавшим. Причем к списку, в котором фигурировала его фамилия, прилагалась справка следующего содержания: «В виду того, что полной документальной уверенности в окончательном исчезновении лиц Генштаба, поименованных в прилагаемом при сем списке, нет, — исключение последних из списков Генерального Штаба, согласно резолюции Начальника Всероссийского Главного Штаба, статьями приказа Реввоенсовета Республики проведено не будет»⁸¹.

Временно исполняющим обязанности командующего армией в связи с исчезновением командарма был назначен начальник штаба армии Преображенский, однако он был слишком далеко от передовой, чтобы взять управление в свои руки и руководил только тылом армии и борьбой с дезертирством. Непосредственное управление войсками на фронте перешло к начальнику 14-й стрелковой дивизии А.К. Степину (правильно — Степиню, в войсках употреблялся русифицированный вариант латышской фамилии начдива⁸²), который занимал пост командующего армией длительный по меркам гражданской войны период вплоть до февраля 1920 года.

После измены Всеволодова началось выяснение отношений между РВС армии и РВС Южного фронта. Каждая из сторон стремилась возложить ответственность за неприятный инцидент на другую. РВС фронта считал, что члены армейского РВС безответственно отнеслись к надзору за командармом, тем более считавшимся неблагонадежным, упустили его из виду. Кроме того, РВС 9-й армии обвиняли в неправильной организации управления армией после исчезновения командарма. Комиссары 9-й армии Ходоровский и Михайлов в ответ заявляли о том, что не обязаны следовать за командармом по пятам, а относительно управления армией руководствовались распоряжениями РВС фронта⁸³.

Важнейшим вопросом, связанным с изменой Всеволодова, является вопрос о масштабах вреда, нанесенного его предательством и о том, вел ли он планомерную вредительскую деятельность в РККА или же совершил спонтанную измену в целях личного спасения. Ответ на этот вопрос неоднозначен. Совокупность известных характеристик Всеволодова позволяет считать его не вполне порядочным человеком, приоритетом для которого был не служебный долг, а личное благополучие. Подтверждает это и обнаруженная мною дореволюционная служебная характеристика Всеволодова.

Между тем, подпольная деятельность в обстановке гражданской войны на столь высоком посту, как пост командующего армией была сопряжена с невероятным риском. На карту ставилась сама жизнь подпольщика, не говоря о том, что существовала угроза безопасности членов его семьи. Целенаправленную и успешную подпольную работу мог вести лишь человек, обладавший высокой идейностью, чего никак нельзя сказать о Всеволодове. Едва ли успешным белым агентом мог быть военспец, занимавшийся в свободное время уходом за коровой и свиньями, торговлей молоком, добыванием продовольствия. В этом смысле вред от его деятельности для красных, видимо, был не столь велик, как впоследствии, оказавшись в белом лагере, заявлял сам перебежчик.

Подобный взгляд разделяли и некоторые участники событий. Так, например, начальник 16-й стрелковой дивизии Р.П. Эйдеман полагал, что «измена Всеволодова явилась результатом не его сознательного умысла, а следствием его бездарности, вызвавшей ряд неудач 9-й армии. Боязнь ответственности за неудачи в связи с общими успехами противника и толкнула Всеволодова на открытую измену в надежде этим спасти себя от ответственности и выслужиться перед противником»⁸⁴. Думается, к этой оценке следует добавить фактор ареста Всеволодова, а также пренебрежительного отношения советского военно-политического руководства к его просьбам на протяжении многих месяцев службы.

И все же определенные последствия эта измена имела. В ходе апрельских боев он, по всей видимости, действительно способствовал успехам наступления белых и неудачам 9-й армии. В июне же он фактически устранился от командования армией, чем также способствовал ее развалу и отступлению. Одним из последствий глубокого отхода 9-й армии до линии рек Елань и Терса и измены Всеволодова стало отступление под угрозой охвата белыми правого фланга и даже выхода в тыл соседней 10-й армии⁸⁵. Ранее 10-я армия, по свидетельству ее командующего, находилась на восемь переходов уступом вперед относительно соседней армии Всеволодова. В результате частями Кавказской армии белых под командованием генерала П.Н. Врангеля 30 июня был взят Царицын — стратегически важный пункт на Волге, необходимый для связи с антибольшевистскими силами Востока России.

Белые угрожали Балашову и Камышину, была освобождена от красных Донская область, красные не смогли удержать Балашовско-Поворинский укрепрайон, в июле ими были оставлены Балашов и Борисоглебск. Впрочем, успехи у белых в те дни были на многих направлениях.

Одним из результатов неудач красных стала ротация командных и комиссарских кадров на советском Южном фронте. Так или иначе, вскоре после измены Всеволодова, 13 июля 1919 г., командующий фронтом Гиттис по предложению членов РВС фронта и Троцкого⁸⁶ был заменен В.Н. Егорьевым, из РВС фронта в тот же день ушел К.А. Мехоношин.

По свидетельству Генштаба полковника А.А. фон Лампе, встречавшегося со Всеволодовым в Венгрии в конце 1922 г., Всеволодов, сдавший белым Борисоглебск, на протяжении полугода находился под следствием в лагере Деникина. В этот период пребывания под следствием кормить семью, вместе с которой он бежал, приходилось любыми способами. В частности, бывший командарм спекулировал нитками, покупая их в Новороссийске и продавая в Таганроге⁸⁷. Возможно, длительное нахождение Всеволодова под следствием у белых дало основания для версии, что белыми он был, якобы, расстрелян⁸⁸. На самом же деле Всеволодов у Деникина был реабилитирован, причем даже получил документы о том, что его деятельность принесла белым много пользы. В дальнейшем он служил в Крыму при генерале Врангеле⁸⁹.

В белом лагере Всеволодов карьеры не сделал, однако нашел себя на ниве военной журналистики. Белые газеты охотно печатали его воспоминания, военные и политические обзоры. Впрочем, содержание некоторых публикаций Всеволодова не может не вызвать недоумения. Так, например, в конце февраля 1920 г., когда устойчивость положения белых на Кавказе уже вызывала опасения, Всеволодов в одной из статей заявил, что белые могут продержаться на Кавказе от месяца до трех, а при поддержке союзного флота даже больше. После этого бывший военспец обнадежил читателей тем, что «в апреле месяце к нам должны подойти сильные подкрепления со стороны болгарских регулярных войск, в числе 25—30 тысяч»⁹⁰. Это фантастическое заявление ровным счетом ни на чем не основывалось.

По мнению Всеволодова, высказанному им, видимо уже в эмиграции, одной из основных причин неудачи белых были ограничения на прием перебежчиков из РККА, тогда как там, по его мнению, изложенному фон Лампе, «все старшие были, безусловно, на нашей стороне и только после того, как было установлено, что у нас полная непримиримость, стали служить с горя большевикам...». С такой оценкой Лампе соглашался лишь отчасти. С одной стороны он отметил: «Как же было принимать всех без разбора, когда можно было нарваться на организованную большевиками провокацию». Но в то же время писал, что действительно озлобление против бывших красных было в антибольшевистском лагере довольно велико: «Помню и меня-то приняли неласково, а я вне армии был ее же представителем в Харькове»⁹¹.

25 марта 1920 г. Всеволодов с семьей (жена и трое детей) выехал из Новороссийска на остров Лемнос на пароходе «Бюргермейстер Шредер»⁹². Позднее он обосновался в Константинополе, после чего при содействии русского военного агента в Турции переехал в Будапешт, поскольку существовала вероятность советизации Турции. Разумеется, подобное развитие событий представляло бы несомненную угрозу для столь высокопоставленного перебежчика.

Жизнь Всеволодова в Венгрии, особенно в первое время, была очень тяжелой. Фон Лампе писал о нем 31 января 1923 г. генералу А.П. Кутепову: «Еще до моего приезда в Будапешт, уполномоченным Красного Креста одна из немногих комнат в общежитии была предоставлена полковнику генерального штаба Всеволодову. Я был также и в этой комнате и увидел в очень небольшом помещении самого полковника Всеволодова, его жену, троих детей и... автомобиль. Последний представляет собою единственное достояние этой семьи, куплен он при посредстве Земско-городского союза в Константинополе и постепенно оплачен, так как полковник Всеволодов — шофер. Ввиду необходимости для сборки машины теплого помещения, по-видимому вся семья и получила комнату. Нечего и говорить, что помещение представляет собою мало завидного»⁹³.

Одно из последних известных нам упоминаний о Всеволодове относится к концу 1926 года. В сводке № 9 о жизни союзов во II отделе Русского Общевоинского Союза (РОВС) к 1 декабря 1926 г., не предназначенной для печати, сообщалось о деятельности Союза русских офицеров в королевстве Венгерском и отдела Общества галлиполийцев в Венгрии: «С грустью надо констатировать, что вся деятельность союзов неизбежно сводится к парированию нападений со стороны так называемых “законопослушных” монархистов (легитимистов. — А.Г.) во главе с исключенным из Русского Общевоинского союза генералом [Б.В.] Шульгиным. В полной солидарности с ним действуют полковник князь Оболенский, бывший когда-то губернатором в г. Ставрополе и генерального штаба полковник Всеволодов, ранее командовавший IX-й советской армией. Относительно последнего надо отметить, что все его стремления ранее примкнуть к Галлиполийцам, всегда встречали с их стороны неприязненное отношение, несмотря на то, что Командованием Всеволодов был полностью реабилитирован. Справиться с этой нетерпимостью не представлялось возможным»⁹⁴. К сожалению, дальнейшая судьба Всеволодова в эмиграции неизвестна.

Основной массив публикуемых документов представляет собой материалы, собранные членом РВС 9-й армии, старым большевиком (член партии с 1903 г.) Иосифом Исаевичем Ходоровским (1885–07.05.1938). Стоит отметить, что Ходоровский был одним из видных проводников политики рассказывания на Дону. Документы эти сохранились в Российском государственном военном архиве (РГВА), по крайней мере, в двух комплектах: один, адресованный председателю РВСР Л.Д. Троцкому, — в фонде секретариата предсе-

дателя РВСР; второй, адресованный ЦК РКП(б) — в фонде управления 9-й армии. Предыстория появления этих комплектов документов, неясная из дела, сохранившегося в фонде председателя РВСР, становится понятной при ознакомлении с документами из второго комплекта, снабженными несколькими сопроводительными записками.

После бегства Всеволодова комиссар Ходоровский был вызван в штаб Южного фронта, находившийся в Козлове ⁹⁵. Там 1 июля 1919 г. Ходоровский составил документ, связанный с изложением обстоятельств измены Всеволодова, — «Докладную записку о событиях в девятой армии». В качестве приложений Ходоровский подготовил копии 16 документов, подтверждавших изложенное в записке. Ниже публикуется полный комплект этих документов.

5 июля 1919 г. Ходоровский составил обращение в ЦК, в котором писал: «Прилагая при сем докладную записку и 16 документов о событиях, имевших место в 9 армии, прошу Ц.К. возбужденное мною дело, в виду его огромной политической важности, рассмотреть в самом срочном порядке» ⁹⁶. В тот же день телеграммой Склянского в РВС Южного фронта и 9-й армии Ходоровский был освобожден от должности члена РВС 9-й армии и откомандирован в распоряжение политуправления РВСР. Записку о необходимости явиться в Москву в политотдел РВСР направил Ходоровскому и Троцкий ⁹⁷. Затем Ходоровский был освобожден от членства в РВС Южного фронта. 12 июля приказом РВСР он был назначен членом РВС 2-й армии с 10 июля. 13 июля решение было обсуждено на заседании РВСР, тем не менее это назначение так и не состоялось. 8 августа 1919 г. Ходоровский был назначен в распоряжение РВС Туркфронта ⁹⁸. В Москве Ходоровский, видимо, задержался надолго, поскольку именно там 12 августа 1919 г. составил обширную докладную записку «Почему мы потерпели поражение на Южном фронте?», адресованную Ленину, Троцкому, членам ЦК РКП(б), а также членам РВСР Э.М. Склянскому, С.И. Гусеву и А.И. Рыкову.

Документы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, но при сохранении стилистических особенностей. Явные ошибки и опечатки исправлены без оговорок. Вступительная статья, публикация и примечания **А.В. Ганина**.

Документ № 1. Докладная записка И.И. Ходоровского председателю РВСР Л.Д. Троцкому и в ЦК РКП(б) о событиях в 9-й армии. 01.07.1919 г.

Председателю Революционного Военного Совета Республики
г. Троцкому ⁹⁹.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА О СОБЫТИЯХ В ДЕВЯТОЙ АРМИИ

До нашего ухода из Михайловки.

Командующий 9 армией Всеволодов исчез. Теперь уже нет никаких сомнений, что он сбежал к противнику. Об обстановке, в которой назревало это событие, имею доложить следующее:

5-го июня штаб отступавшей 9 армии остановился в станице Клецкой на Дону и здесь я узнал, что распоряжением Предреввоенсовета Республики тов. Троцкого и Реввоенсовета Южфронта бывший начальник штаба 9 армии, а потом начальник штаба Южфронта Всеволодов назначен командую-

шим 9 армией. 7 июня утром я с бывшим Командармом 9 тов. Княгницким и членом Реввоенсовета 9 т. Михайловым прибыл в слободу Михайловку, где, согласно приказа командующего Южным фронтом, должен был разместиться штаб 9 армии. В Михайловке вскоре после прибытия я встретил Всеволодова. Еще до встречи со мной Всеволодов встретился с т.т. Княгницким и Михайловым и сообщил им, что прежде чем принять пост командарма 9 он поставил Реввоенсовету Южфронта следующие требования: удаление комиссара штаба 9 т. Петрова, удаление председателя продовольственной армейской комиссии т. Адно и начальника военных сообщений 9 армии партийного товарища Хохлова. По словам Всеволодова Реввоенсовет Южфронта все эти требования обещал удовлетворить. При первой же встрече у Всеволодова произошло столкновение с членом Реввоенсовета т. Михайловым на почве грубого и непочтительного отзыва и даже прямой клеветы Всеволодова на бывшего члена Реввоенсовета 9 (теперь члена Реввоенсовета 8) т. Барышников и комиссара штаба т. Петрова и категорического заявления Михайлова, что если Всеволодов имеет сведения о вредной роли: и недобропорядочном поведении ответственных политических работников 9 армии ему следует об этом официально заявить Реввоенсовету, а не муссировать эти слухи в частном порядке. Всеволодов ответил, что знает как себя вести и что с членом Реввоенсовета Михайловым он работать не будет.

Через полчаса после этого инцидента Всеволодов мне заявил, что он требует уже удаления не только комиссара штаба Петрова, но и члена Реввоенсовета Михайлова. Я ему указал, что: 1) т. Петров, по должности комиссара штаба с Всеволодовым, как с командармом, деловых точек соприкосновения будет иметь немного; и что если прежде у Петрова с Всеволодовым (тогда начальником штаба 9 армии) были натянутые отношения, то теперь их не будет и, во всяком случае, я постараюсь создать такую обстановку, при которой Всеволодову никто не станет мешать работать; 2) члены Реввоенсовета армии назначаются в установленном порядке и ни я, ни командарм не могут этого порядка изменять, следовательно, вопрос о Михайлове должен быть снят. Всеволодов этим не удовлетворился и направил свои домогательства Командюжу и Реввоенсовету Южфронта и до получения ответа отказывался вступить в командование 9 армией. В это время я получил от вр.и.д. Члена Реввоенсовета Южфронта и Заведующего Политотделом Южфронта т. Кржижановского зашифрованную телеграмму, в которой сообщалось, что одним из условий принятия Всеволодовым должности командарма 9 было его требование удаления комиссара штаба 9 армии т. Петрова и что Реввоенсовет Южфронта обещал ему это требование удовлетворить. Мне в этой телеграмме предлагалось это провести. Я был очень взволнован этой телеграммой, вызвал к аппарату т. Кржижановского и заявил ему, что обещанием удовлетворить требование Всеволодова об удалении т. Петрова Реввоенсовет Южфронта нанес тяжелый удар как своему морально-политическому престижу, так и престижу Реввоенсовета 9 армии и настаивал на том, чтобы Всеволодову было предложено без всяких требований с его стороны вступить в командование армией. Примерно 10 июня в специальном заседании Реввоенсовета 9 я поставил Всеволодову категорический вопрос: почему он до сих пор не исполнил приказа Реввоенсовета Южфронта и не вступил в командование 9 армией. Он ответил, что настаивает на выполнении требований об удалении т.т. Петрова и Михайлова. После моих настояний он заявил, что снимает требование о Петрове, но настаивает на удалении Михайлова. Я, в качестве члена Реввоенсовета Южфронта обещал Всеволодову создать атмосферу, при которой ему никто не будет мешать работать. Тов. Михайлов с[о] своей стороны обещал всемерно содействовать созданию деловой обстановки. Всеволодов на-

стаивал на своем и снова отправил соответствующую телеграмму в Южфронт. Реввоенсовета Южфронта за подписью т.т. Сокольников и Гиттиса не нашел ничего другого как обратиться не только к командарму, но и к Реввоенсовету 9 с предложением приступить к работе, хотя Реввоенсовет работал безостановочно, никаких требований ни о чем не выставлял и только настаивал на том, чтобы командарм вступил в командование армией. Этой телеграммой престижу Реввоенсовета 9 был нанесен второй удар.

Если мне не изменяет память я 11 июня имел разговор по проводу с т. Сокольниковым, находившимся в Козлове. Я указывал т. Сокольникову, что Всеволодов своими домогательствами и интригами, которым не будет предела (мы все слишком хорошо знали Всеволодова по его работе в качестве начальника штаба 9 армии) внесет страшный раскол в наши учреждения и может этим погубить армию (никаких других предположений и подозрений я тогда не высказывал). Мои предостережения были оставлены без ответа.

Всеволодов принял, наконец, командование армией. Командовал он всего 6—7 дней, но за это короткое время он восстановил против себя всех своей мелочной придирчивостью по поводу того, что ему не вовремя подан автомобиль или неопытный шофер или плохо работает телефон и проч. По отношению к члену Реввоенсовета т. Михайлову командарм Всеволодов вел себя явно демонстративно, распуская про него всякие нелепые слухи, будто он виноват в нашей задержке в Морозовской и т.п. Реввоенсовет 9 и, в частности я, старались многого не замечать, только бы Всеволодов работал. 13 или 14 июня в Михайловку заехал мимоездом т. Сокольников. В беседе, которую я с ним имел, я еще раз указывал, что Всеволодов — личность глубоко аморальная, что карьера и собственное хозяйственное благополучие для него выше всего (он обзавелся в Михайловке коровой и свиньями, продавал молоко и проч.), что своими действиями он расколет и разрушит армию и даже высказывал опасения по поводу его политической честности. Тов. Сокольников со многими моими доводами согласился, заявил, что если бы от него зависело, он не назначал бы Всеволодова командующим армией, но заметил, что Всеволодов политически честен. Кончил тем, что посоветовал т. Михайлову уехать в дивизии, чтобы не быть с Всеволодовым, не мешать ему работать. Что касается Петрова, то от Южфронта получена телеграмма, о его переводе в распоряжение Реввоенсовета 13 армии. Тов. Сокольников уверял, что это не стоит ни в какой связи с домогательствами Всеволодова и мотивировал тем, что до сих пор т. Петрову не дают в 9 армии другой работы кроме комиссарства в штабе. В 13 армии его лучше используют. По поводу последнего замечания считаю нужным заявить, что т. Петров был не только комиссаром штаба. Он часто заменял членов Реввоенсовета и все время выполнял самую ответственную работу: эвакуацию Морозовской и Михайловки он с честью вынес на себе. По поводу же заявления т. Сокольникова, что перевод т. Петрова из 9 армии не находится ни в какой связи с требованиями Всеволодова мне остается только сослаться на упомянутую выше зашифрованную телеграмму от т. Кржижановского.

(Окончание следует)

Примечания

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00350а2 «Военная элита в годы гражданской войны 1917—1922 гг.».

1. Так, например, один из известных западных исследователей гражданской войны называет Всеволодова генералом, хотя тот был только полковником. MAWDSLEY E. The Russian Civil war. Edinburgh. 2008, p. 234. В советской литературе утверждалось, что Всеволодов,

- якобы, был членом тайной белогвардейской организации, поддерживавшей связь с противником. МЕДВЕДЕВ Р.А., СТАРИКОВ С.П. Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова. М. 1989, с. 109—110. Израильский автор В.В. Каминский, наоборот, не будучи знаком с документами о вредительской деятельности Всеволодова и его измене, подгоняет его случай под «универсальную» схему службы военспецов в РККА по «социально-бытовым мотивам» и утверждает, что к белым Всеволодов перебежал ради карьеры, что не соответствует действительности и является существенным упрощением реальной картины событий. КАМИНСКИЙ В.В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб. 2011, с. 212—213. Подобное объяснение Каминский, не владея информацией, пытается давать и другим случаям переходов военспецов на сторону противника.
2. Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е Июня 1914 года (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). Пг. 1914, с. 543; Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е января 1916 года (С приложением изменений по 1 марта 1916 г.). Пг. 1916, с. 105; Список Генерального штаба. Исправлен по 3-е января 1917 года (С приложением изменений по 8 февраля 1917 г.). Пг. 1917, с. VI, 98.
 3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 2003, оп. 1, д. 1263, л. 92—93.
 4. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 11, оп. 6, д. 125, л. 269.
 5. Список Генерального штаба. Исправлен по 1 марта 1918 г. М. 1918, с. 98. Библиотека РГВИА. Инв. № 9923.
 6. РГВА, ф. 6, оп. 4, д. 912, л. 43об.
 7. Там же, ф. 1, оп. 1, д. 247, л. 25.
 8. ВСЕВОЛОДОВ Н. Из моих воспоминаний (Два года в Совдепии). Великие князья в тюрьме. — Вечернее Время (Новороссийск). 18.01.1920, № 452, с. 2.
 9. Там же.
 10. РГВА, ф. 11, оп. 6, д. 125, л. 266, 267.
 11. Там же, л. 273.
 12. Там же, л. 268.
 13. Там же, л. 270, 275.
 14. Там же, л. 271, 274.
 15. Там же, л. 276.
 16. Там же, л. 277.
 17. Там же, ф. 192, оп. 3, д. 1567, л. 1.
 18. Там же, д. 129, л. 1, 6об., 11.
 19. Директивы главного командования Красной армии (1917—1920). Сб. док. М. 1969, с. 247.
 20. Речь идет о начальнике оперативного отдела штаба 9-й армии бывшем Генеральном штаба полковнике Иване Васильевиче Яцко.
 21. РГВА, ф. 6, оп. 4, д. 910, л. 205.
 22. Директивы главного командования..., с. 257.
 23. РГВА, ф. 6, оп. 4, д. 912, л. 43—44, 59, 74, 81.
 24. Там же, ф. 39540, оп. 1, д. 34, л. 42.
 25. Там же, ф. 192, оп. 6, д. 4, л. 27об.
 26. Там же, л. 78об.—79об.
 27. Директивы главного командования, с. 408.
 28. КАКУРИН Н.Е., ВАЦЕТИС И.И. Гражданская война 1918—1921. СПб. 2002, с. 271.
 29. КАКУРИН Н.Е. Как сражалась революция. Т. 2. 1919—1920 гг. М. 1990, с. 137.
 30. РГВА, ф. 192, оп. 6, д. 4, л. 28.
 31. Там же, ф. 24696, оп. 1, д. 53, л. 28.
 32. Там же, ф. 192, оп. 3, д. 129, л. 80об.
 33. Там же, ф. 24696, оп. 1, д. 53, л. 29.
 34. КАКУРИН Н. Стратегический очерк гражданской войны. КАКУРИН Н., КОВТУН Н., СУХОВ В. Военная история гражданской войны в России 1918—1920 годов. М. 2004, с. 91.
 35. ЕГОРОВ А.И. Разгром Деникина. 1919 г. Гражданская война в России: Разгром Деникина. М. 2003, с. 146—147.
 36. ДЕНИКИН А.И. Очерки русской смуты. Кн. 3. Т. 4—5. Вооруженные силы Юга России. М. 2003, с. 445.
 37. РГВА, ф. 24696, оп. 1, д. 53, л. 29.
 38. Там же, ф. 192, оп. 3, д. 208, л. 63; д. 211, л. 13, 21, 25.
 39. Там же, ф. 24696, оп. 1, д. 53, л. 29об.
 40. КАКУРИН Н.Е. Как сражалась революция, т. 2, с. 142.
 41. РГВА, ф. 6, оп. 4, д. 909, л. 246.
 42. Там же, ф. 192, оп. 3, д. 206, л. 44, 46.
 43. Там же, оп. 6, д. 4, л. 26об.; МЕРЕЦКОВ К.А. На службе народу. М. 2003, с. 38—39.
 44. МЕРЕЦКОВ К.А. Ук. соч., с. 40—41.

45. РГВА, ф. 24696, оп. 1, д. 55, л. 5.
46. Там же, ф. 192, оп. 6, д. 4, л. 25об.
47. ЕГОРОВ А.И. Ук. соч., с. 154.
48. РГВА, ф. 39540, оп. 1, д. 34, л. 42об.
49. Там же, ф. 192, оп. 6, д. 4, л. 26.
50. КАКУРИН Н. Стратегический очерк, с. 91.
51. РГВА, ф. 192, оп. 6, д. 4, л. 27; ф. 39348, оп. 1, д. 8, л. 15.
52. ПАНКОВ Д.В. Комкор Эйдеман. М. 1965, с. 38.
53. РГВА, ф. 192, оп. 6, д. 4, л. 28.
54. ЕГОРОВ А.И. Ук. соч., с. 158.
55. РГВА, ф. 6, оп. 4, д. 918, л. 109, 113, 122.
56. Там же, л. 125об.; ф. 33988, оп. 2, д. 145, л. 408.
57. Там же, ф. 192, оп. 6, д. 4, л. 29об.
58. Там же, л. 30—30об.
59. Там же, ф. 33987, оп. 2, д. 21, л. 198.
60. Там же, л. 198—198об.
61. Там же.
62. МЕРЕЦКОВ К.А. Ук. соч., с. 43.
63. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 21, л. 199.
64. Там же, л. 202, 206.
65. Там же, д. 32, л. 208.
66. Записка Троцкого Э.М. Склянскому для передачи в ЦК РКП(б). 22.06.1919. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 32, л. 208. Документ опубликован без указания шифра хранения в: КРАСНОВ В.Г., ДАЙНЕС В.О. Незвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М. 2000, с. 197.
67. РГВА, ф. 37618, оп. 1, д. 18, л. 14—14об.
68. МЕРЕЦКОВ К.А. Ук. соч., с. 47.
69. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 21, л. 199.
70. Там же, л. 204, 207.
71. Там же, л. 209.
72. Там же, л. 200.
73. Там же, л. 210.
74. Там же. В этой связи представляется сомнительной достоверность указаний на приказ Всеволодова от 23 июня об отходе армии на линию рек Терса и Елань. КАКУРИН Н.Е. Как сражалась революция, т. 2, с. 215.
75. ВСЕВОЛОДОВ Н. Поражение 10-ой армии Клюева — Вечернее Время (Новороссийск). 20.01.1920, № 453, с. 1.
76. МЕРЕЦКОВ К.А. Ук. соч., с. 45.
77. ЕГОРОВ А.И. Ук. соч., с. 164.
78. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 21, л. 213—214.
79. Там же, л. 215.
80. Там же, ф. 11, оп. 5, д. 69, л. 38.
81. Там же, д. 1009, л. 48.
82. МЕРЕЦКОВ К.А. Ук. соч., с. 40.
83. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 21, л. 217—218.
84. КАКУРИН Н.Е. Как сражалась революция, т. 2, с. 215.
85. КЛЮЕВ Л. Борьба за Царицын (1918—1919 гг.). М.-Л. 1928, с. 48—49, 51—52; КРЫЛОВА Е.Т. Борьба за освобождение Царицына от деникинской контрреволюции (июнь — декабрь 1919 года). Автореф. канд. дисс. М. 1952, с. 8.
86. КРАСНОВ В.Г., ДАЙНЕС В.О. Ук. соч., с. 198.
87. ГА РФ, ф. Р-5853, оп. 1, д. 10, л. 31.
88. РГВА, ф. 11, оп. 5, д. 69, л. 38.
89. ГА РФ, ф. Р-5853, оп. 1, д. 10, л. 233.
90. ВСЕВОЛОДОВ Н. Тихорецкая — Кавказская — Вечернее Время (Новороссийск). 29.02.1920, № 481, с. 2.
91. ГА РФ, ф. Р-5853, оп. 1, д. 10, л. 31.
92. Там же, ф. Р-5982, оп. 1, д. 68, л. 47об.
93. Там же, ф. Р-5853, оп. 1, д. 10, л. 233.
94. Там же, ф. Р-5826, оп. 1, д. 31, л. 89.
95. РГВА, ф. 37618, оп. 1, д. 18, л. 12.
96. Там же, ф. 192, оп. 6, д. 4, л. 3.
97. Там же, л. 1, 2.
98. Реввоенсовет Республики. Протоколы 1918—1919. Сб. док. М. 1997, с. 258, 261, 306.
99. Вписано чернилами.